

АННИ
АННИ БЕЗАНТ
БЕЗАНТ

ЗАКОНЫ ВЫСШЕЙ ЖИЗНИ

«ДРЕВНИЕ УЧЕНИЯ»

« Духовная эволюция »

« Восточные учения »

« Закон karma »

« Закон перевоплощения »

« Закон жизни »

« Путь ищущих »

« Восточная философия »

LITRU.RU

Анни Безант (1847—1933) – ученица и последовательница Елены Блаватской, в течение двадцати шести лет – президент теософского общества, автор многих ярких работ по теософии. Книги Анни Безант вводят читателя в сокровищницу древней мудрости и сокровенного знания.

«Но если вы хотите знать, не только надеяться, не только страстно желать, не только верить, но знать с несомненностью и убежденностью, не способной колебаться, тогда вы должны искать Божественный дух не вне, а внутри себя».

Анни Безант

Законы высшей жизни

«Эволюция человека совершается не путем борьбы за существование, а путем самопожертвования».

Гексли

I. Высшее сознание

Предметом этой статьи является вопрос очень важный для людей серьезных и вдумчивых, стремящихся служить человечеству и помогать эволюции нашей расы. Я назвала его «Законы высшей жизни». Многие, когда имеют дело с религией, которая относится к области высшей жизни, обнаруживают стремление ставить ее вне царства законности. Они переносят ее в особый мир, в котором результаты достигаются без труда, в котором падению не предшествует слабость. Мысль о том, что духовная жизнь не подчинена закону, является совершенно естественной: мы находим здесь полную аналогию с физическим миром, закономерность которого также не признавали до тех пор, пока не изучили ее.

Взгляните на какой-нибудь неожиданный взрыв физических сил, на извержение вулкана, разрушающее в несколько часов могучую гору, на пропасти и каменистые вершины, появившиеся там, где были раньше зеленые луга, на долины и горы, заменившие прежнюю равнину. В таком взрыве физических сил человек видел прежде нечто произвольное, неожиданное, беспорядочное, нарушающее обычный процесс эволюции. Но мы знаем теперь, что в внезапном извержении вулкана также мало произвольного, как и в постепенном возвышении морского дна, которое, поднимаясь в течение десятков тысяч лет, образует под конец горную цепь. Одно явление считали согласным с законами природы, другое – необычайным. Теперь же известно, что все естественные процессы как внезапные, так и медленные, как неожиданные, так и предсказанные заранее, подчинены закону и протекают с абсолютной правильностью.

То же самое можно сказать и о мире духовном. Мы встречаем иногда внезапные с виду вспышки духовных сил; например, мы видим, как меняется вся жизнь человека, как его характер совершенно перерождается в течение какого-нибудь одного часа. Но зная, что совершенная законность царствует и здесь, что здесь также нет ничего случайного, мы начинаем убеждаться, что в духовном, также как и в физическом мире, одна и та же высшая жизнь проявляется через множество различных путей, и что проявления этой Жизни всегда подчинены незыблемым законам, как бы удивительны, неожиданны и странны не казались эти проявления для наших духовно невидящих, физических глаз.

Прежде всего, постараемся выяснить, что мы понимаем под словом «Закон». Мне часто приходилось убеждаться, что относительно этого вопроса существует много разногласий, а это создает много затруднений и неясности.

Все понимают, что подразумевается, когда говорят о законе какого-нибудь государства. Это есть нечто постоянно изменяющееся; закон изменяется вместе с властью, создавшей его, будет ли эта власть в руках неограниченного монарха или законодательного собрания. Закон есть всегда нечто сделанное людьми, приказ, кем-то отданный. Власть, создавшая закон, может изменить или даже совсем уничтожить его. Кроме того, закон, т. е. приказание «делай то», «не делай этого», поддерживается наказаниями. Если будет нарушено известное приказание, то последует известная кара.

Изучая наказания за нарушение закона в разных странах, мы находим, что они также произвольны и переменчивы, как и сам закон. Наказание никоим образом не является результатом проступка; оно искусственно соединяется с ним и всегда может быть изменено. Например: человек совершает кражу; одна нация наказывает его за это тюрьмой, другая – кнутом, третья – отсечением руки, четвертая – виселицей. Во всех этих случаях наказание не имеет ничего общего с преступлением.

Обращаясь к законам природы, мы не находим в них ничего общего с законами

человеческими. Закон природы не есть приказание, отданное властью, а лишь наличность условия, при которых неизменно совершается одно и то же явление. Везде, где будут присутствовать эти условия, произойдут известные последствия. В законах природы мы видим последовательность неизменную, непоколебимую, неизбежную, потому что эти законы – выражение божественной Сущности, в которой «нет ни изменения и ни тени перемены». Закон природы не есть приказание «делай это», «не делай того», а простое утверждение, что «при известных условиях произойдут известные – результаты; если изменятся условия, то изменятся и результаты».

За нарушением закона природы не следует никакого наказания, налагаемого по произволу. Природа не наказывает; в ее царстве существует лишь причинная связь явлений, строгая последовательность совершающегося, и – ничего больше. Результат есть неизбежное следствие, вытекающее из причины, а не произвольно наложенная кара.

Но противоположность закона природы и закона человеческого может быть проведена и далее. Закон человеческий может быть нарушен, закон же природы – никогда. Природа не знает нарушения своих законов. Чтобы вы не делали, закон останется неизменным. Вы можете разбить себя о него вдребезги, но он останется непоколебимым, как непоколебима скала, о которую разбиваются волны прибоя. Волны не в силах потрясти скалу или сдвинуть ее хотя бы на волос; они могут только разбиваться и падать пеной к ее подножию.

Таков закон природы: утверждение условий, неизбежных последствий, ненарушимых событий.

Так же следует понимать значение слова «закон» и тогда, когда нам приходится иметь дело с высшей жизнью, подчиняющейся закону также, как и жизнь низшая.

Тогда нами овладеет чувство полной безопасности, спокойной силы, неограниченных возможностей. Мы не в мире произвола и прихоти, где сегодня может случиться одно, завтра другое. Наши желания не изменяют закона, наши вечно меняющиеся эмоции не затронут Вечной Воли. Познав это, мы можем работать с полной уверенностью в успехе, потому что опираемся на неизменную Истину, которая есть Закон Вселенной.

Но для того, чтобы работать спокойно и безопасно в мире Закона, нужно знание. Покуда мы не знаем законов, они могут бросать нас с места на место, могут разрушать наши планы, уничтожать наши труды, разбивать наши надежды, уподоблять нас праху. Но эти же самые законы, поступающие с нами таким образом, пока мы не знаем их, делаются нашими слугами, помощниками, двигателями в высь, когда наше неведение заменяется знанием.

Я не раз приводила глубокие слова одного английского ученого, – слова, которые должно бы выгравировать золотыми буквами: «Природа побеждается послушанием».

Когда мы познаем Закон, повинuemся ему, работаем с ним за одно, тогда он поднимает нас с непреодолимой силой и доносит до той цели, к которой мы стремимся. Закон, являющийся опасным, пока мы его не знаем, становится спасительным, когда мы познаем и поймем его. Посмотрите, как часто физическая природа указывает на этот знаменательный факт. Вы видите молнию, сверкающую из грозного неба; она падает, ударяет в дом или башню, и они рассыпаются в развалины, уничтоженные неудержимой вспышкой огня. Это – страшно и таинственно. Как мог слабый человек не бояться небесного огня! И однако же человек научился обуздывать этот огонь и заставил его служить себе; он подчинил его силою знания. И вот, та же сила несет его поручения через моря и земли, соединяет отца и сына, разделенных тысячею миль, живую связью общения и любви. Та же разрушительная молния стала электрическим током, который несет надежду и утешение встревоженному человеку и передает ему приветы любви и доброжелательства. И всегда, когда мы научаемся работать в согласии с природой, мы побеждаем ее, и ее силы делаются неизбежно нашими слугами. И это относится ко всем силам,

вверх и вниз, к каждой точке Вселенной, видимой и невидимой.

Теперь перейдем к самому вопросу, к вопросу расширенного сознания. Я хочу рассмотреть это состояние сознания с двух точек зрения: во-первых, с обычной точки зрения Востока, где умеют изучать сознание изнутри, считая сознание, проявляющееся посредством мозга, самым низшим и самым ограниченным проявлением более широкого сознания. Во-вторых, с точки зрения Запада, методы которого совершенно иные, но где, тем не менее, даже люди с чисто позитивистическим мышлением, начинают признавать, что существует сознание, работающее помимо физического тела и охватывающее более широкие области, чем то сознание, которое проявляется через мозг и нервную систему. Им это сознание кажется удивительным и непонятным. О нем спорят, над его проявлениями делают опыты; представители науки стремятся свести его к какому-нибудь явлению, уже известному им.

И все их исследования приводят путем научных экспериментов в сфере физической к тем же результатам, которые были получены на Востоке, благодаря упражнениям йоги^[1] и благодаря постепенному развитию высшего сознания.

Восточная психология, исходя из признания высшего я и зная, что оно проявляется в различных оболочках, делает путем дедукции выводы о его проявлениях и в физической среде. Западная психология, исходя, наоборот, из мира физического, изучая сначала оболочку, а потом уже заключенное в ней сознание, постепенно поднимается все выше, и выше, пока не доходит до пределов обычных, физических условий. Вызвав посредством искусственных методов то состояние сознания, которое издавна было известно на Востоке, западная наука начинает медленно и ощупью выработать теории для объяснения непонятных ей явлений.

Такой длинный путь кажется несколько странным и малообещающим, но в конце он все же приведет к результату, тождественному с тем, который был получен много веков назад духовным зрением Ясновидящих.

Сегодня мы не будем останавливаться над чем, что называется бодрствующим состоянием сознания: из обыденной жизни мы хорошо знакомы с деятельностью ума и с эмоциями. Исследуя эти явления, Запад начал с изучения мозга и нервной системы. Было время, лет двадцать пять тому назад, когда с психологией совсем не считались, если она не была основана на знании физиологии. Признавалось необходимым начинать с изучения тела и нервной системы и с законов деятельностей физической оболочки, а также с изучения условий, при которых эти деятельности совершаются. Предполагалось, что этим путем возможно понять сущность работы мысли и умственной деятельности, и таким образом, на знании физиологии основать рациональную, научную психологию. Хотя я и не думаю, чтобы в настоящее время эту мысль стали защищать передовые ученые Запада, но все же, идя и по этому пути, ученые пришли к очень важным результатам, что происходит каждый раз, когда люди добросовестно исследуют природу.

Прежде всего они заметили, что существуют другие состояния сознания, кроме бодрствующего. Тогда начали изучать сон и деятельность сознания в то время, когда тело спит. Было собрано и записано множество фактов, но исследования ученых оказались неудовлетворительными, потому что трудно было исключить условия, которые совершенно не входили в их расчет: так, иногда сновидение происходило от расстройства какого-нибудь органа, от несварения желудка, или от слишком большого количества съеденной пищи. Желая исключить подобные условия, постепенно пришли к мысли изучать деятельность сознания во время сна, вызванного искусственным образом. Такой сон или транс можно было вызывать произвольно при любых условиях, и при этом сновидения уже не могли зависеть от расстройства того или другого физического органа. О результатах подобных опытов мы узнаем из исследований гипнотизма, из экспериментов, произведенных много раз, о которых можно

прочитать в книгах, специально посвященных этому вопросу.

Каков же был результат этих широко распространенных, часто повторяемых опытов?

Результат был следующий: при условиях, когда нормальное мышление было невозможно, потому что мозг находился в состоянии летаргии, дурно снабжаемый дурною кровью, и когда можно было ожидать полного усыпления и бездействия сознания, в действительности появился совершенно неожиданный ряд результатов. Умственные способности не уменьшились, а наоборот, деятельность ума сделалась тоньше, острее, сильнее во всех отношениях, между тем как мозг был парализован. К своему удивлению, ученые заметили, что в трансе память восстанавливала те события, которые случились в давно прошедшие годы жизни, вспоминала эпизоды давно забытого детства; и не только память, но и способность рассуждать, доказывать, судить, давалась сильнее, живее и приносила большие результаты.

В то время, как самые органы чувств бездействовали так же, как во время сна, функции их отправлялись живее чем когда-либо, при посредстве каких-то иных неведомых органов. Глаз, не отвечающий на вспышки электрической лампы, мог в то время видеть на расстоянии, совершенно недоступном при обычном бодрствующем состоянии сознания, мог читать в закрытых книгах, проникать через телесные оболочки во внутренность тела распознавать болезни, скрытые под покровом мускулов и костей. То же самое относительно уха. Оно могло улавливать звуки на расстоянии, далеко переходящем все границы обычных слуховых восприятий и реагировать на вопросы, доносящиеся из такого отдаления, при котором обыкновенное ухо уже не в состоянии воспринимать слабые и тонкие колебания.

Эти результаты заставили людей задуматься и задать себе ряд вопросов: «Что же это за сознание, которое видит без помощи глаз, слышит без помощи ушей, которое помнит, когда орган памяти парализован, и рассуждает, когда орудие рассуждения находится в состоянии летаргии?»

Кроме этих странных явлений, во время транса было еще замечено, что чем глубже транс, тем как бы выше поднимается сознание. При не особенно глубоком трансе замечалось лишь усиление быстроты способностей, но по мере углубления транса, они развертывались все шире и ярче. Были собраны факты, указывающие на то, что у человека не одно сознание, а несколько сознаний, проявляющихся различно при различных условиях. Пробовали делать опыты с одной невежественной крестьянкой, которая в нормальном состоянии была несообразительна, медленна и тупа. Ее загипнотизировали, и в трансе она сделалась умнее; особенно странно то, что она стала с презрением относиться к своему собственному обычному я, критиковать его действия, пренебрежительно говорить о его ограниченности, употреблять, говоря о нем, такие выражения, как «эта тварь». При еще более глубоком трансе проявилось сознание еще более высокое, чем предыдущее, – серьезное, полное достоинства, разумное, которое смотрело сверху вниз на первые два проявления, критиковало их строго и беспристрастно, порицало их ошибки, поднималось над их ограниченностью.

Таким образом, в этой крестьянке были обнаружены три ступени сознания и чем глубже был транс, тем выше было проявленное сознание.

Отмечен еще один странный факт: в бодрствующем состоянии сознания крестьянка ничего не знала о своем втором и третьем сознании. Для нее они не существовали. Во втором состоянии она знала о низшем состоянии, но ничего не знала о высшем. В третьем же состоянии она смотрела сверху вниз на первые два, но ничего не знала относительно высшего сознания, если такое имелось. Из этого наблюдения вытекает новая мысль: что не только существует сознание более высокое, чем наше обычное бодрствующее, но что ограниченное сознание не может ничего знать о более широком, которое выступает за пределы его ограниченности. Высшее сознание знало низшее, но низшее не знало высшего, следовательно, неведение низшего – не

доказательство несуществования высшего. Ограничения, связывающие низшее сознание, не могут служить аргументом против существования высшего, познать которое оно не может именно благодаря этим ограничениям. Таковы некоторые из результатов, добытых западной наукой при ее исследовании транса.

Теперь мы перейдем к другому рода исследованиям. Люди материалистического миропонимания, старательно изучая механизм мозга, пришли к некоторым заключениям относительно качества мозга, в котором проявляются сверхнормальные результаты сознания, независимо от всякого транса. Эта школа мыслителей имеет своим представителем талантливого итальянского ученого Ломброзо, который провозгласил что мозг гениального человека болен и ненормален. «Гений соединен с безумием»; там, где вы видите мозг с ненормальными проявлениями, вы на пути к болезни и конец ее – безумие. Подобные идеи существовали и до Ломброзо, и мы все знаем слова Шекспира: Great wits to madness near allied.^[2]

Само по себе это утверждение не принесло бы большого вреда, если бы оно не достигло тех размеров, до которых его довела школа Ломброзо. Но в руках этой школы оно сделалось страшным орудием против всякого религиозного опыта. Учение этой школы, основывая свои заключения на физиологических фактах, говорят, что мозг становится ненормальным, если он способен отвечать на такие возбуждения, на которые нормальный мозг не реагирует. Вслед за распространением этой идеи, школа Ломброзо сделала и еще шаг вперед, провозглашая, что в этом и кроется объяснение всякого религиозного переживания. Всегда существовали видения, мистики и ясновидящие, каждая религия полна свидетельств о необыкновенных событиях и о вещах, невидимых здоровому, уравновешенному мозгу. Человек, имеющий видения, это – человек с больным мозгом, он невропат, он болен, хотя бы это был мудрец или святой. Весь опыт святых и мудрецов, все их свидетельства о явлениях невидимых миров суть только мечтания ненормального ума, работающего через больной и переутомленный мозг.

Религиозные люди, пораженные таким утверждением, не знали, что и возразить на него. Ошеломленные тем, что им казалось кощунством, что определяло весь их религиозный опыт как невропатию, а святых, как жертв расстроенной нервной системы, страдающих от непонятной нервной болезни, – они не знали, что и сказать. Эта мысль, казалось, вырвала с корнем все надежды человечества, сносила все свидетельства о реальности невидимых миров одним ударом.

Есть один ответ на это смелое утверждение, и я упомяну о нем в самых общих чертах прежде, чем объясню условия, при которых он может быть дан.

Предположим, что все это совершенно верно; что величайшие гении человечества в области религии, литературы и искусства были нервно больные, с больным мозгом. Что же из этого? Когда мы судим о пользе, приносимой человеком на земле, мы судим не по состоянию его мозга, а по его влиянию на сердце, умы и действия других людей. Если бы каждый гений был двойником сумасшедшего, если бы каждый святой был человеком с больным мозгом, если бы каждое видение божественного порядка, видения мистиков и святых происходили от соприкосновения больного мозга с чем-то неизвестным, – что же из этого?

Лишь ценность всего, что эти люди дали нам, вот истинная мера, которою мы можем мерить их.

Если вся жизнь человека совершенно меняется, когда он вступает в общение с святым, разве эта перемена станет для нас ясней, если мы скажем, что мозг святого ненормален? Если так, то болезнь святого лучше, чем здоровье среднего человека; переутомленный мозг гения в тысячу раз драгоценнее для человечества, чем нормальный мозг заурядного человека. Я спрашиваю, что эти люди дали нам, и убеждаюсь, что каждая высочайшая истина, которая двигает человечество вперед, которая утешает нас в печали, поднимает нас выше страха смерти и дает нам сознание

бессмертия, – исходит от таких нервно больных. Какое мне дело до ярлыка, которым определяешь качество их мозга в вашей физиологии? Я поклоняюсь тем, кто дал человечеству вдохновения, которыми жива его душа. Вот мой первый ответ. Второй возникает сам собою из рассмотрения утверждений школы Ломброзо. Я готова допустить, что поскольку дело идет о чисто физиологических условиях, Ломброзо до некоторой степени прав; это и вполне естественно. Нормальный мозг человека есть результат эволюции прошлого и он приспособлен к тому, чтобы иметь дело с обыденными вещами мира сего, с куплей и продажей, с обманом и плутовством, с эксплуатацией неимущего, с унижением слабого. Нормальный мозг человека должен иметь дело с жизненной свалкой, с грубостью и борьбой. Высшее сознание не может проявляться через мозг, вскормленный нечистой пищей, подчиненный страстям, служащий эгоизму и жестокости. Возможно ли ожидать от этого мозга какой-нибудь чуткости к духовным импульсам высшего сознания, или к тонким вибрациям высших миров? Он есть продукт прошлой эволюции и принадлежит прошлому.

Но что же сказать о мозге другого типа, способном отзываться на более тонкие вибрации? Это тот мозг, который сосредоточивает в себе все надежды будущего. Он говорит нам об эволюции грядущего, а не о прошедшем. Те, кто идут впереди человеческой эволюции, обладают более чуткой и развитой природой и благодаря этому, грубые вибрации низшего мира расстраивают их легче, чем людей, приспособившихся к ним. Самый тот факт, что мозг уже в состоянии воспринять более тонкие вибрации, делает его менее способным переносить грубые вибрации низшего мира.

Теперь нам следует рассмотреть два рода совершенно различных условий. Во-первых, высоко развитой мозг с нормальной чуткостью, способный воспринимать тонкие Вибрации и находящийся в состоянии неустойчивого равновесия; это мозг гения духовного, артистического, литературного. Во-вторых, нормальный мозг, ставший под давлением глубоких волнений ненормально чутким и напряженным и более или менее бездействующим, это – мозг обыкновенного религиозного мистика и ясновидца.

Первый будет нормален и здоров, но плохо приспособлен к требованиям низшей жизни и небрежен относительно обычных житейских дел; его легко можно потрясти резкими вибрациями, поэтому он бывает часто нетерпелив и раздражителен. Неустойчивое равновесие его сложного нервного механизма может быть нарушено гораздо легче, чем равновесие прочного, установившегося механизма менее развитого мозга. В позднейшей эволюции мозг гения получит устойчивость и эластичность, теперь же он редко обладает этими свойствами.

Второй, мозг мистика, неспособный в нормальном состоянии воспринимать высокие вибрации, может достигнуть необходимой для этого чуткости благодаря напряжению, которое, с другой стороны, вредит его механизму и может проявиться как нервное расстройство. Сильное волнение, могучее желание достигнуть высшей жизни, продолжительные пост и молитва, вообще все, что чрезмерно напрягает нервы, делает мозг способным воспринимать вибрации из высших миров. Тогда появляются сидения и другие «ненормальные» явления. Сверхфизическое сознание находит на время орудие достаточно чуткое, чтобы воспринимать его импульсы и отзываться на них. Больной мозг не создает видений – последние принадлежат сверхфизическому миру, – но больной мозг создает условия, при которых видение может отпечатлеться в физическом сознании. Истерия и другие нервные болезни сопровождают не редко такие явления.

Правда, там, где законы развития правильно поняты и направлены, там болезнь перестает быть спутником подобных высших переживаний. Но не удивительно, что многие люди – неподготовленные и не привыкшие к самоуглублению и самоанализу и не знакомые с законами работы сознания – когда они действуют в физической сфере, кажутся менее разумными чем

окружающие их люди; это происходит оттого, что мало интересуясь предметами земного мира, они так всецело поглощены высшей жизнью.

Посмотрим же, откуда является опасность? Причину не трудно найти. Возьмите ненатянутую струну – она не даст никакой музыкальной ноты. Натяните ее и она произведет звук. Но в то же время она подвергается опасности порваться. То же и с мозгом. Пока он – так сказать – слабо натянут, он отзывается только на медленные вибрации физической сферы, ни одной ноты из небесной музыки не может прозвучать через такой мозг, потому что его нервная материя недостаточно напряжена, чтобы отвечать на более быстрые колебания. Только когда она направляется благодаря сильному волнению, или большому усилию, обыкновенный мозг в состоянии воспринимать подобные вибрации. Поэтому напряжение, проявляющееся обыкновенно как истерия или нервное возбуждение, создает условия, при которых нервная материя способна воспринимать колебания более быстрые и высокие, чем колебания физической сферы. Натянутость нервов есть необходимое условие для проявления высшей жизни и высшего сознания. Когда это хорошо устроено, тогда главное возражение школы Ломброзо против религиозного опыта теряет всю свою силу и значение. И болезнь, и невралгия – естественны, потому что дело идет о проводнике, который стоит на той ступени эволюции, которая неспособна отзываться на более тонкие вибрации. Для того, чтобы мозг мог отвечать на них, его нужно усовершенствовать, сделать его более упругим. В нашей настоящей стадии развития мы окружены грубостью, нечистыми магнетизмами, беспокоящими влияниями всякого рода, и неудивительно, если неподготовленный мозг, стараясь воспринять вибрации высшего мира, будет потрясен грубыми звуками земли.

Взгляните на Восток и вы увидите, что там эту опасность поняли и сумели принять меры предосторожности против нее. Восточная психология признает бессмертное я, которое собирает вокруг себя оболочку за оболочкой и постепенно создает свои собственные орудия. Оно создает «ментальное чело», чтобы его способность мыслить могла через этот проводник прийти в соприкосновение с внешним миром, оно создает астральное тело, чтобы через него его эмоции могли выразиться в физической среде, и наконец, оно образует физическое тело, чтобы через него деятельно проявляться в физическом мире.

В восточной психологии мы имеем дело с сознанием, которое создает себе тела сообразно своим нарастающим потребностям. Как же достигнуть того, чтобы высшее сознание могло проявляться через эти тела? Их надо постепенно совершенствовать, утончать и подчинять контролю высшего сознания, поэтому медитация и предписывается как необходимое средство.

Но, когда человек стремился соединиться с своим высшим сознанием как можно быстрее, тогда ему предписывали уединиться в джунгли и временно удалиться от земного мира. Этим он избегал влияния грубых магнетизмов и охранял себя в уединении, куда резкие мирские вибрации не достигали, следовательно не могли и повредиться ему. Там, в тишине лесов и джунглей, отшельники погружались в созерцательную жизнь.

Они напрягали и облагораживали свой мозг, сосредоточивая свою мысль и постепенно обуздывая свою низшую природу, заставляя себя созерцать с восторженным вниманием Высшее.

Сознание, действуя сверху, отражалось – благодаря сосредоточенному вниманию – в физическом мозгу, и, делая его постепенно все более напряженным, настраивало его на восприятие высших вибраций без опасности для равновесия. Далее, оно стремилось поднять низшее сознание настолько, чтобы оно перестало отзываться на возбуждения внешнего мира. Такая же нечувствительность к вибрациям физической сферы, которая в гипнотизме достигается искусственными мерами, в йоге наступает благодаря разобщению сознания от воздействия внешнего мира.

Следующим шагом, после того, как чувства закрывались от влияния извне, было

достижение умственного равновесия; мозг надо привести в состояние полного покоя, чтобы он перестал вибрировать, чтобы затих и сделался способным воспринимать вибрации, идущие сверху. Когда ум становился неподвижным, как затихшее озеро, когда ни одно желание не нарушало его ясности, тогда в затихшем уме отражалось «высшее Я». И в тишине успокоенного ума и умолкнувших чувств человек действительно мог созерцать величие и славу «высшего Я». Таков восточный путь.

Постараемся же – исходя из этой точки зрения понять, что нужно делать, чтобы изменить, усовершенствовать и развить мозг, какие необходимые приемы, чтобы его связующие звенья сделались способными для выражения высшего сознания. Если мы захотим следовать по пути внутренней дисциплины, именуемой йогой, какие условия необходимы для правильной подготовки? Первое условие – чистота тела, второе – его утончение и увеличивающаяся сложность мозгового аппарата. Эти условия – самые важные. Не думайте, что в вашем уме может отразиться «высшее Я», пока вами еще владеют страсти, пока их требования еще тревожат ум, пока тело еще необуздано. Надо научиться управлять телом и держать его в подчинении, давая ему надлежащее количество сна, достаточно упражнения и подходящую пищу, удовлетворяя всем его нуждам, но не позволяя ему быть хозяином, а только послушным слугою сознания. Послушайте, что говорит Шри Кришна: «Истинно говорю вам. Йога не для того, кто невоздержан в еде, и не для того, кто слишком предан сну, или даже бодрствованию, о Арджуна».^[3]

Не следует допускать крайности ни в ту, ни в другую сторону, не надо ни мучить тело, которое должно быть нашим орудием, ни уступать ему, чтобы оно не вообразило себя господином нашего я. Если следовать всем приведенным указаниям, мозг делается способным воспринимать более тонкие вибрации, не теряя при этом равновесия, и здоровье сохраняется, несмотря на усиливающуюся чуткость и утонченость. Йог должен обладать необычайно тонкой отзывчивостью и в то же время быть совершенно здоровым.

Подчинив себе свое тело и очистив его, мы его можем сделать восприимчивым к высшим вибрациям, способным отзываться на более высокие звуки. Но для этого мы должны потерять интерес к низшему и сделаться равнодушными к приманкам внешней жизни. Мы должны добиться бесстрастия, ибо только при этом условии высшее сознание в состоянии проявить себя в мире земном. Пока человек любит предметы мира сего, его оболочки не могут служить орудием высшего сознания.

Сосредоточенное поклонение Высшему, ясное, уравновешенное, систематическое развитие разума и эмоций – вот единственный путь, по которому мы должны идти, если хотим, чтобы высшее сознание проявилось в нас на земле. Мы должны вести чистую жизнь, быть сострадательными и нежными; мы должны научиться видеть единую божественную Жизнь во всем, окружающем нас, в безобразном и прекрасном, в низком и высоком, в растении и в ангеле. Только тот, кто видит божественное Я во всем и все – в Нем, только тот видит воистину.

II. Закон долга

В предыдущей главе мы пришли к некоторым определенным заключениям. Мы рассмотрели свойства Закона и нашли, что в каждом из нас существует сознание, более широкое, чем обычное дневное бодрствующее сознание, проявляющееся через мозг. Мы убедились, что для проявления этого более широкого сознания необходима полная власть над чувствами и мыслями.

Теперь мы пойдем дальше и рассмотрим, как должен человек направлять свою деятельность, чтобы высшее сознание проявилось в нем во всей своей силе. Нам нужно рассмотреть подготовительные ступени и понять, что каждый из нас может сделать, для того, чтобы приготовить себя к этому высшему расцвету завязи сознания, который медленно совершается внутри каждого из нас. Для того, чтобы облегчить ясное понимание вопроса, следует сначала точно определить некоторые выражения, которые мы будем употреблять.

Во-первых, что следует разуметь под высшей жизнью? Я употребила это выражение в самом широком смысле, применяя его ко всем проявлениям сверх-физической жизни. Сюда следует причислить и все проявления человека в различных, невидимых телесному глазу мирах, которые мы называем «планами», или сферами: в астральной, в сфере мысли, в духовной или буддической и других сферах обширной вселенной.

Что следует разуметь под словом «духовность»? Не все проявления высшей жизни, в том широком определении, которое приведено выше, должны быть непременно «духовными».

Мы должны мыслить форму, в которой сознание воплощается, отдельно от самого сознания. Ничто, относящееся к форме, не является «духовным» по самой природе своей. Жизнь формы в каждой из сфер есть проявление материи, а не духа. Проявление жизни в форме, хотя бы эти проявления имели место в невидимой нам астральной или ментальной сфере, не становятся вследствие этого более духовными, чем проявления сферы физической.

Везде проявление материи заключено в форму, а никакая форма не может быть элементом духовным. Это следует запомнить, иначе мы будем делать важные ошибки в наших исследованиях и не будем ясно разбираться в путях, ведущих к развитию духовности. Не важно, где именно протекает жизнь формы, в высших или низших сферах, под видом камня, растения, животного, человека или ангела. Поскольку эта жизнь материальна по своей сущности, она не имеет ничего общего с тем, что имеет право на название духовности. Человек может развить в себе астральные или ментальные способности (сиддхи), он может обладать зрением, проникающим на далекие расстояния, за пределы вселенной, он может слышать песнь ангелов или внимать звукам Неба, но все это преходяще. Духовное и Вечное не живет жизнью форм. Что же в таком случае Духовное? Это – жизнь сознания, которое признает Единство, во всем видит единое я, и все видит в этом едином я. Духовная жизнь та, которая глядя на бесконечное число явлений, проникает через покров майи^[4] и видит Единое и Вечное в каждой изменчивой форме. Знать божественное я, любить Его чувствовать Его, это и только это одно есть Духовность, точно так же, как видеть это я всегда и во всем есть единственно истинная мудрость. Все вне этого – неведение, все вне этого – не духовно.

Когда человек понял это, он должен предпочесть временному и преходящему – реальное, избрать жизнь Духа, а не жизнь формы, хотя бы последняя проявлялась и в самых высочайших сферах. За таким признанием следующий шаг будет – выбрать определенные методы, чтобы развить в себе жизнь Духа и познать Закон, по которому сознание разовьется настолько, чтобы понимать свое единство со Всеобщим Сознанием, чтобы каждая форма стала дорога не ради ее самой, а ради божественного ю, которое есть Жизнь и Сущность формы. В индусских писаниях

есть замечательный диалог между Яджнавалкья и его супругой, когда последняя хотела постигнуть эту Духовную сторону высшей жизни. Он сказал ей: «Не ради супруга дорог супруг, а ради божественного Я дорог супруг; не ради жены дорога жена, а ради божественного я дорога жена, и так далее, переходя от ребенка, к возлюбленному, к другу и кончая жизнью сверхфизической: и не ради самих дэв дороги дэвы, а ради божественного Я дороги дэвы. Вот основная нота Духовности. Все в Едином, Единый познается везде и во всем.

Но, как нам, ослепленным материей, подняться до этой Истины?

Первым шагом к реальному познанию Истины будет исполнение Закона Долга. Посмотрим же, почему человек должен прежде всего повиноваться Закону Долга, если он хочет возвыситься до ступени духовной жизни. Мы окружены Существами, принадлежащими к высшим мирам, они проявляют огромные силы, возбуждают энергию природы, повелевают материей; эти могущественные Существа с огромной властью управляют окружающим нас миром. Одни из них ускоряют эволюцию, внушая человеку благородные мысли и стремления; другие также помогают эволюции, но действия обратно, т. е. стремясь задержать прогресс человека, ставя ему преграды, чтобы научить его стоять твердо на ногах, и в борьбе со злом сделать его устойчивым и совершенным в добре. И в тех и в других существах проявляется божественная Сила; не может быть света без тьмы и прогресса без противодействия: с одной стороны эволюция, с другой стороны сила, сопротивляющаяся ей.

Сила эта сообщает прогрессу устойчивость и делает возможным дальнейшее развитие человека. Однако, мы должны остерегаться, чтобы не впасть в заблуждение относительно функций этих двух сторон божественного проявления. Силы и существа высшего мира, которые помогают эволюции, ведут ее вперед, вдохновляют, возвышают и очищают нас – достойны поклонения; за ними можем мы смело идти, им можем смело молиться. Другие силы – наши друзья только поскольку мы сопротивляемся и противодействуем им; они могут помогать нам только до тех пор, пока мы боремся с ними. Та самая сила, посредством которой мы побеждаем их, та сила, которую мы развиваем в борьбе с ними, и помогает нам идти вперед. Но если это так, каким образом ищущий истинного пути найдет верное направление и как различит он одни силы от других? Он найдет верное направление, прислушиваясь к Голосу Долга внутри себя, различая «божественное я», которое указывает всегда путь вперед, а не назад; он найдет его, ставя Долг впереди личного удовлетворения, благоговейно преклоняясь перед истиной и служа ей без тени колебания и без мысли о перемене. От лиц, изучавших санскритский язык, мы узнаем, что в нем нет слова, которое было бы вполне равноценно нашему слову «совесть». Это – верно, но ведь мы ищем не названий, а самих вещей, не ярлыков, а фактов. Если же имеет в виду настроение человека с пробужденной совестью, в каком Писании, в какой литературе можно найти лучшее выражение для идеи совести, чем в восточной, где повинование совести и благоговение перед долгом сияют светлыми примерами, как в жизни великих людей древней Индии, так и в правилах, наполняющих древние санскритские книги?

Возьмем, например, поведение Юдхиштхиры, праведного царя, которого изображают представшим на суд пред самим Шри Кришной. Посмотрим на него в последней сцене его земной жизни, когда Индра, царь богов, спустился на землю и приказал ему сесть в свою колесницу, которая должна была поднять его в высочайшие небеса. Вспомните, как указав на верную свою собаку, пережившую с ним все ужасы странствования через великую пустыню, Юдхиштхира сказал: «Сердце мое переполнено состраданием к собаке, позволь и ей идти на небо со мною». «На небе нет места собакам», отвечал Индра, а когда Юдхиштхира продолжал отказываться идти на небо один, он сказал с неодобрением: «Ты допустил однако братьев своих умереть в пустыне, ты оставил их там лежать мертвыми. Ты покинул умирающую Драупади, и ее труп не остановил твое движение вперед. Если братья и жена оставлены позади, зачем эта

привязанность к собаке и непремненное желание взять ее с собой». Тогда отвечал Юдхиштхира: «Для мертвых нельзя совершить ничего, я не мог помочь ни братьям, ни жене. Но это существо живое, а не мертвое. Грех оставления беспомощного, который ищет защиты у тебя, равносителен греху убийства дваждырожденного, греху ограбления Брамана. Я не пойду на небо один».

И когда аргументы Индры не могли поколебать его, собака внезапно исчезла и воплощенная дхарма встала пред ним и повелела ему подняться на небо. Сильнее, чем приказание Индры, оказалась стойкая совесть царя. Даже сияющий соблазн бессмертия не мог поколебать его преданности долгу, сладкие слова самих дэв не могли ослепить его и отвратить от праведного пути, который указывала ему совесть.

Теперь проникнем еще глубже в прошлое и посмотрим, как Бали, царь даитиев, приносит жертву Высочайшему; уродливый карлик подходит к нему и просит милости: «Три пяди земли, о царь, дай мне, как жертвенный дар». Три пяди земли отмеренные крошечными шагами карлика, не великий дар и Бали соглашается. И вот! Первый шаг карлика покрывает землю, второй простирается через небо, куда же ступит он в третий раз? Небо и земля покрыты, что же остается? Остается только грудь Бали, который бросается на землю и подставляет свою грудь, чтобы можно было ступить на нее. Тогда со всех сторон слышится ропот: «Это обман», «Это вероломство», «Это сам Нарн хочет погубить тебя. Нарушь слово, иначе гибель ожидает тебя!» Но хотя все эти голоса и достигают до Бали, он думает, что истина, долг и совесть важнее, чем потеря жизни и царства, и, продолжает неподвижно лежать, распростертый на земле. Наконец, приходит его гуру,^[5] почитаемый им больше всех в мире и приказывает ему нарушить данное обещание. Когда же Бали не повинуетя и ему, тогда гуру проклинает его за непослушание. И что же? Является образ самого Вишну, могучий образ, покрывающий небо и землю, и среди наступившего безмолвия слышен голос нежный, как тихая музыка, который говорит: «Бали, пораженный оскорбленный всеми, презираемый друзьями, проклинаемый Наставником, Бали не изменил истине». И Вишну возвещает, что в будущей калпе^[6] Бали будет Индрой, царем дэв, потому что власть может быть вручена безопасно только тому, кто всегда остается верен истине.

Когда имеются такие примеры и множество им подобных, не все ли равно, что нет выражения для Понятия «совесть»? Зато идея просвечивает постоянно, идея верности Долгу, признание Закона Долга. А какое слово дает основной тон для характера всего индусского Народа? Это – дхарма, что означает долг, праведность.

Что же такое Закон Долга? Он меняется с каждой стадией эволюции, хотя принцип его остается неизменным. Он прогрессирует вместе с эволюцией. Долг дикаря не таков, как долг культурного и развитого человека. Долг учителя не таков, как долг короля. Долг купца не таков, как долг воина. Таким образом, при изучении Закона Долга, мы должны прежде всего узнать свое место на великой лестнице мировой эволюции, изучить окружающие – нас условия, которые раскрывают нам нашу карму, познать свои собственные способности и силы и убедиться в своих слабостях. Только посредством такого тщательного изучения можем мы открыть Закон Долга, которому должны следовать.

Дхарма одинакова для всех, находящихся на одной ступени развития и в одних и тех же условиях, но есть дхарма, которая обязательна для всех. Все, кто желает помогать эволюции человечества, должны одинаково исполнять десять заповедей, данных Ману, определяющих обязанности человека к человеку. Опыт прошлого выяснил их значение и относительно их не может быть никаких сомнений.

Но возникает множество вопросов относительно дхармы, гораздо более сложных, решение которых представляет большие трудности. Главное затруднение для людей, стремящихся идти вперед по духовному пути, заключается в том, чтобы уметь найти свою дхарму и знать, какие требования предъявляются им Законом Долга.

Мы ежедневно сталкиваемся в своей жизни с обстоятельствами, которые вызывают в нашей душе конфликт различных обязанностей. Одна обязанность зовет нас в одну сторону, другая – в другую, и тогда мы находимся в таком же затруднении и не умеем найти свою дхарму, как не умел различить ее Арджуна на поле Курукшетра.^[7]

Это одно из затруднений высшей жизни, испытание и мерило для развивающегося сознания. Не мудрено выполнить простой и ясный долг, ошибиться в нем трудно. Но если обстоятельства запутаны, если мы не знаем как поступить и теряем из вида верное направление, как же мы найдем его в темноте? Существуют опасности, которые затуманивают разум и зрение и мешают нам разобраться в наших обязанностях. Наш вечный враг – наша личность, наше низшее я, которое облекается в сотни различных форм, являющихся иногда даже под маской самой дхармы, чтобы помешать нам разобраться в том, что следуя своему влечению, мы идем по пути желания, а не по пути долга. Как же нам различить, находимся ли мы во власти личности, или следуем влечению долга? Как узнать нам свою ошибку, если наша самость с своими желаниями и страстями искажает все то, что лежит выше ее уровня?

Я не знаю лучшего выхода из таких испытаний, как спокойно замкнуться в глубине своего сердца, вознестись в молитве к своему Учителю, чтобы он наставил нас, и, постаравшись отложить в сторону все личные желания, отделить себя на минуту от своей личности и посмотреть на вопрос в сверхличном свете; и тогда, озаренные молитвой, самоуглублением и размышлением, мы можем выбрать тот путь, который кажется нам путем долга. И если бы, несмотря на все наши усилия поступить правильно, мы ошиблись, ошибка эта необходима для того, чтобы извлечь новый урок, нужный для нашего же дальнейшего развития. Мы можем выбрать путь желания, и думая, что выбираем дхарму, можем поддаться эгоизму.^[8] Но если бы даже это и было так, мы все же были правы, когда стремились разглядеть правду и поступить по правде, и всякая наша тревога должна умолкнуть от сознания, то внутри нас есть безошибочный Судья, который исправит рано или поздно все наши ошибки. И в самом деле, разве можно отчаиваться, совершая ошибки, если сердце наше стремится к Высшему, если мы жаждем познать правду? Нет, если стремясь поступить хорошо, мы, в слепоте своей, и сделали дурно, мы должны приветствовать страдание, которое очищает духовное зрение, и должны неустрашимо взывать в Господу: «Господь, под которым почва горит». Это значит, что приближаясь к Господу, надо сжечь все нечистое и недостойное. Все нечистые остатки горят в тот миг, когда мы ступим туда, где пребывает сам Господь.

«Пошли опять Твой огонь, сжигающий все, что затемняет зрение, весь сор, примешанный к чистому золоту истребляй, о Сияющий, всякую примесь, пока мы не выйдем из пламени как чистейшее золото, освободившееся от всякой нечистоты».

Но если мы трусливо избегаем ответственного решения и, не внимая голосу совести, выбираем легкий путь, который другие называют правильным, хотя сами мы чувствуем его неверность и таким образом вопреки своей совести идем по пути, указанному другими, что делаем мы тогда? Мы заглушаем божественный голос внутри нас; мы выбираем низшее, а не высшее, более легкое, а более грудное, мы решаем отказаться от своей воли, вместо того, чтобы очистить ее; и хотя бы путь, взятый нами по указанию других, и был лучшим из двух, мы все же Повредим своей эволюции, не сделав того, что по совести считали более правильным.

Эта ошибка в тысячу раз опаснее, чем заблуждения, в которые нас вовлекают наши желания. Делать то, что мы признаем высшим, вот – единственно верный путь для того, кто стремится к духовной жизни. Если вы – противитесь своему пониманию добра и по совету других принимаете за добро то, что в глубине души считаете злом, вы этим теряете самую способность различить добро от зла, вы гасите единственный свет, который теплится внутри вас и предпочитаете идти в полной темноте. Как различите вы свет от мрака, белое от черного, как

вы узнаете, что от Бога и что от темной силы, если вы не будете испытывать все, встречающееся вам, мерою долга и праведности? Где не исполняется долг, где не видно любви, сочувствия, чистоты, самопожертвования, там может быть могущество, но не может быть духовности, которая одна просвещает мир и служит идеалом для человека.

Следуя по пути духовного стремления, мы не должны надеяться, что путь этот будет легок и прост; духовная жизнь достигается только постоянными усилиями и бесчисленными неудачами, и путь долга доступен только при непоколебимой настойчивости. Будем желать только праведности и мы наверно достигнет ее, какая бы трудная борьба ни вела к ней. Будем стараться в нашей ежедневной жизни поступать согласно с истиной, насколько мы видим ее, и несомненно, что чем дальше мы будем подвигаться, тем яснее будем мы различать ее.

Но так как многие не в состоянии различить тех, кто способен помогать и руководить их духовным прогрессом, то мы остановимся и посмотрим, что является признаком и мерилом духовности, которой надо подражать, которую нужно осуществлять в жизни, которая есть и пример, и свет для человечества.

Признаком и мерилом духовного руководителя, учителя и друга людей, является совершенное обладание теми качествами, которые стремящийся желает развить в себе. Он выполняет в совершенстве то, что стремящийся выполняет несовершенно; он воплощает тот идеал, которому стремящийся старается подражать. Какими же качествами отмечается истинная духовность?

Всюду вокруг мы видим людей смущенных, запутавшихся, растерянных, которые ищут света и стремятся к развитию.

По отношению ко всем, с кем мы встречаемся, у нас есть долг. Нет ни одного человека, приходившего в соприкосновение с нами, относительно которого у нас не было бы обязательства. Мерилом управляет не случай и в жизни людей не бывает случайных событий. Каков же Наш долг относительно всех окружающих нас? По отношению тех, которые поднялись выше нас на ступенях развития – долг уважения и повиновения; по отношению всех, кто стоит на одном уровне с нами, долг доброжелательства; внимания и участия; по отношению тех, кто стоит ниже нас, долг покровительства, доброты, помощи и сострадания. Для всех, стремящихся к высшей жизни, выполнение этого долга обязательно; не выполняя его, нельзя достигнуть духовности.

Но если мы и выполним до конца обязанности, предписываемые нам законом высшей жизни, если мы уплатим обязательства, налагаемые на нас происхождением, семейными связями, общественной средой и национальной кармой, то все же останется еще один высший долг, который мы можем поставить перед собою, как светоч, озаряющий наш путь.

Он состоит в том, чтобы каждый, кто вступает в сферу нашего влияния, мог уйти от нас лучшим, чем был до соприкосновения с нами. Если подойдет человек невежественный, а мы обладаем знанием, пусть он отойдет от нас более просвещенным. Если придет к нам человек печальный, пусть отойдет он от нас утешенным благодаря тому, что мы разделили его печаль. Если придет к нам беспомощный, пусть он отойдет от нас укрепленный нашей силой, в не униженный сознанием своего бессилия. Будем всегда нежны и терпеливы, кротки и сострадательны ко всем. Не будем суровы в нашей обыденной жизни, чтобы не приводить в смущение других. В мире довольно печали. Пусть человек, достигший духовности, будет источником мира и утешения, пусть он будет светочем, чтобы всем, кто входит в круг его света, становилось легче разыскивать свой путь. Будем судить о степени своей духовности по тому влиянию, которое мы оказываем на других, и будем стремиться, чтобы мир сделался чище, лучше и счастливее от того, что мы живем в нем.

И для чего же мы здесь, как не для того, чтобы помогать друг другу, чтобы любить и

возвышать друг друга? Должен ли человек, достигший духовности, задерживать развитие своих ближних, или он должен помогать их развитию? Наблюдайте за своим влиянием на других, будьте осторожны и внимательны к тому, как могут подействовать ваши слова на жизнь ваших ближних. Слова ваши должны быть осторожны и говорить о любви; ни клевета, ни сплетня, ни жестокие слова, ни дурные подозрения не должны осквернять уста, стремящиеся сделаться проводником духовной жизни. Трудность в нас самих, а не вне нас. Именно здесь, в нашей собственной жизни, в нашем собственном поведении должна совершаться духовная эволюция. Помогайте вашим братьям, не будьте суровы с ними, поднимайте их, когда они падают, помните, что если вы стоите твердо сегодня, вы можете упасть завтра и будете нуждаться в помощи также, как ваш павший брат.

Все св. Писания утверждают, что самая суть божественной жизни есть бесконечное сострадание. Сострадательным должен быть и человек, достигший духовности. Будем же и мы – по мере сил – из наших малых чаш любви подавать вашим ближним каплю из божественного океана сострадания. Мы всегда будем правы, если поможем своему ближнему, забывая о своих собственных нуждах, чтобы удовлетворить его нужды.

В этом, и только в этом, заключается истинная духовность, и весь ее смысл в том, чтобы вернуть туда, откуда началось наше странствие, чтобы признать единое я во всем. Тот, кто стремится к духовности, должен отождествлять себя вполне со всем, что живет и дышит. Нет «другого» в этом мире, мы все – одно. Каждый является отдаленной формой, но один и тот же Дух дышит и живет во всех.

Послушайте, что сказал Шри Кришна, олицетворенная божественная любовь, когда, взглянув на наш мир, он произнес свой божественный суд над праведными и грешными. «Если самый грешный поклоняется Мне всем сердцем», сказал Он, «то и его следует причислить к праведным, ибо праведна решимость его; скоро станет и он послушен Долгу и вступит в Вечный Мир. Знай, о Каунти, воистину поклоняющийся мне не погибнет во век».^[9] Будем создавать праведную решимость и страх не проникнет в сердца наши. Мы можем заблуждаться, делать ошибки, можем падать снова и снова, но праведная решимость приведет нас на верный путь.

Будем же поклоняться Высочайшей Любви и отсюда произойдет наше единство со всем миром; и потому, что будет праведна решимость наша, несмотря на все наши ошибки и слабости, Сама истина обещает нам, что скоро станем и мы послушны долгу и обретем мир навсегда.

III. Закон жертвы

Мы уже видели из предыдущего, что человек может достигать высшего сознания по мере того, как он овладевает своими чувствами и обуздывает свой ум. Мы видели, что чем более он повинуется Закону Долга и чем определеннее и решительнее принимается за уплату всех созданных им обязательств, тем более он приближается к высшей жизни.

Теперь мы постараемся подняться в более высокую сферу и посмотрим, как человек, живший по Закону Долга, расчет духовно и начинает достигать единения с божественной жизнью благодаря выполнению Закона Жертвы.

Мы знаем, что Жертвою создана вселенная, в которой мы живем. Это – вполне справедливо, потому что вселенная могла произойти только благодаря акту Жертвы Логоса, который должен ограничить Себя для чего, чтобы произошли миры. Все религии учат, что проявление началось с акта божественной Жертвы. Можно привести цитаты из всех св. Писаний, чтобы подтвердить эту мысль, но она настолько общеизвестна, что не требует подтверждений.

Сущность божественной Жертвы заключается в том, что Нематериальное принимает ограничения материи, Беспредельное замыкается в пределы, Свободное заключается в оковы. Первая мысль, которая является нам при наблюдении мироздания состоит в том, что проявление жизни возможно лишь благодаря ограничениям, которые и определяют условия ее эволюции. И как для своего проявления Жизнь должна вливаться в различные формы, так и для своего дальнейшего раскрытия она должна разбивать их одна за другой и облекаться все в новые и новые формы. Мы видим, как жизнь, проявленная в материи, притягивает к себе материю, которая и служит для нее внешней формой. Так как жизненные отправления истощают форму, жизнь постоянно привлекает к себе новую материю, чтобы заменить ею утраченную. Мы видим, что форма постоянно разрушается и возобновляется, и что жизнь может проявляться только вводя новую материю в свою ветшающую форму и тем сохраняя ее, как орудие для своего проявления. Только таким образом жизнь и может развиваться, постоянно присваивая материю для того, чтобы поддерживать и возобновлять свои формы.

Таким образом, как бы внедряется в самую природу живых существ мысль о том, что только благодаря захвату, присвоению и удержанию сохраняется и развивается жизнь. По-видимому, первое, что жизнь приобретает от своего соприкосновения с материей, есть именно такое сознание, и на самых ранних ступенях развития для нее остается непонятным, что захват, присвоение и удержание есть необходимое условие не самой жизни, а лишь сохранения формы, в которой жизнь проявляется. Форма не может существовать, не захватывая постоянно новой материи. Когда жизнь находится в процессе роста и развития, это постоянное присвоение является ее признаком. Всюду на пути Правритти (индусская психология основана на идее эволюции сознания, которое в течение первой половины своего пути, носящем название «путь выступления», живет присвоением; тогда как в течение второй половины, называющейся «путь возврата»), оно живет возвращением всего присвоенного. На поступательном пути она должна захватывать, брать, держать и присваивать. Всюду учится она вбирать в себя другие формы и соединять их с собою, чтобы сохранить таким образом свое отдельное существование.

Когда великие учителя стали обращаться к развивающемуся человеческому сознанию, тогда человек услышал странное учение, противоречившее всему его прежнему опыту. Учителя стали говорить ему: «Жизнь сохраняется не только захватом, но и жертвой чего, что ты уже приобрел». Ошибочно думать, что ты можешь жить и развиваться, только вбирая другие формы в свою форму и поглощая окружающую тебя жизнь для продолжения твоей собственной жизни. Весь мир связан законом обоюдной зависимости. Все живущее существует благодаря взаимному

обмену, благодаря признанию факта взаимной зависимости. Ты не можешь жить один в мире форм, мы не можешь сохранять свою форму, присоединяя к ней другие формы без того, чтобы не сделать долга, который должен быть уплачен пожертвованием того, что имеется у тебя, дабы могли таким образом поддерживаться и другие жизни. Все жизни связаны в одно целое неразрывной цепью, и эта цепь есть закон жертвы, а не закон захвата».

Вселенная произошла благодаря акту Верховной Жертвы и может быть сохранена только благодаря постоянному возобновлению этой Жертвы. «Мир этот не для того, кто неспособен жертвовать», учил Шри Кришна, «тем более не для него иной мир».^[10]

Человек не может даже жить в мире форм, не совершая с своей стороны акта жертвы. Круговорот жизни не будет в состоянии совершаться, если каждое живое существо не будет помогать этому круговороту постоянным жертвоприношением. Жизнь сохраняется жертвой, и в жертве корень всей эволюции.

Для того, чтобы этот новый урок мог быть выучен, великие Учителя настаивали на жертвоприношениях, показывая, что благодаря жертвам вращается колесо жизни, которое приносит все нужные для нас блага. В индуистском ритуале установлено пять видов жертвоприношений, которые охватывают в широком круге все жертвы, необходимые для поддержания жизни всего, что существует в мире.

Нас учат, что наши сношения с миром невидимым, с миром дэв, могут быть сохранены только через приносимые дэвам жертвы, которые служат с нашей стороны признанием существующей нашей связи с ними. «Мы даем им, они дают нам, и так, питая друг друга, мы пожинаем высочайшее благо».^[11]

Затем следует жертва, называемая жертвой Святым (риши), жертва Мудрым, или Учителем. Смысл этой жертвы заключается в том, что мы получаем поучения для того, чтобы потом учить других и таким образом поддерживать преемственность знания, передавая его из поколения в поколение. Таким образом мы выплачиваем один из наших долгов, погашаем одно из обязательств.

Затем следует уплатить долг Старшим, принести жертву прошлому, предкам; из этого мы должны научиться, что как мы получили дар из прошедшего, также должны и мы заплатить свой долг, принося дар будущему.

Затем индусов учат выплачивать долг человечеству. Их учат, что они должны ежедневно накормить по крайней мере одного человека. Мы знаем, что сущность этого поступка вовсе не в том, что мы накормим одного бедняка; нет, в лице этого бедняка мы насыщаем Самого Господа Жертв, а когда насыщен Он, в Нем насыщено и все человечество. Так, когда Дурваза пришел к изгнанникам пандавам и попросил есть тогда, когда пир был уже окончен, и пищи уже не было, тогда явился Сам Господь Жертвы и приказал пандавам поискать пищи. Найдено было одно зерно риса; голод Его был удовлетворен, и благодаря этому напилось многое множество Его верных слуг. Тоже происходит и при жертве, приносимой человеку. Накормив одного голодного, мы насытим Того, Кто сокрыт во всем, в каждой человеческой жизни, и таким образом, насыщая Его в образе одного бедняка, мы насыщаем все человечество.

Наконец, следует жертва животным. И в образе тех двух или трех животных, которых мы обязываемся ежедневно кормить, мы также питаем Господа в Его животных творениях, и этой жертвой поддерживаешься весь животный Мир.

Таковы древние уроки, которые даны были юному человечеству, чтобы научить его сущности и приемам жертвоприношения. И мы узнаем, что дух закона пяти жертв гораздо важнее, чем буква закона; и мы научаемся распространять этот дух жертвы на выполнение закона обязанностей, закона долга. Когда Закон Жертвы соединяется таким образом и переплетается с Законом Долга, тогда перед развивающимся индивидуальным сознанием

раскрывается следующая ступень эволюции.

Сперва люди научились смотреть на часть своей деятельности, как на обязательство. А затем пришла пора узнать, что всякая деятельность, за исключением жертвы, создает новые оковы миру. Стремление к плодам деятельности привязывает нас к миру деятельности; если мы захотим освободиться от этих оков, мы должны научиться приносить в жертву плоды нашей деятельности. «С таким намерением, свободный от привязанности, выполняй свою деятельность, о сын Кунти».^[12]

Таков следующий шаг. Это не значит, чтобы некоторые определенные действия были выделены в качестве жертвы из остальной деятельности человека; это значит, что вся его деятельность должна получить смысл жертвы, благодаря отречению от плодов деятельности. Когда мы приносим в жертву плоды нашей деятельности, мы тем самым начинаем ослаблять оковы, которые привязывают нас к миру. Ибо написано: «Тот, кто утратил желания и достиг гармонии, чьи мысли утвердились в мудрости, и чьи действия совершаются как жертва, деятельность такого человека не связывает его».^[13]

Мир связан кармой или действием, за исключением того действия, которое есть жертва. В этом заключается урок, который начинает доноситься до нашего слуха, когда мы подходим к концу поступательного пути (Правритти Марга), когда приближается время возвращаться домой, вступить на путь возврата (Нивритти Марга). Когда человек начинает отказываться от плодов деятельности и совершать все свои действия, как обязанности, не ища награды, тогда в истории эволюции человеческой души наступает критический момент. Человек проникается с этих пор еще более высоким уроком, который должен вывести его на путь возврата. «Лучше, чем жертва богатства – жертва мудрости, о Парантапа», говорит Шри Кришна. «Все действия в своей целостности, о Партха, достигают своей высшей степени в мудрости. Познай это путем ученичества, путем исследования и служения. Мудрецы, которым ясно видны Сущности вещей, наставят тебя в мудрости. Достигнув же познания, ты более не впадешь в заблуждение, ибо ты узришь все существа без исключения в Едином и Единое во Мне».^[14]

Здесь уже звучит та нота, которую мы научились познавать, как признак духовности. Благодаря «жертве мудрости», мы научимся видеть «божественное я» во всем сущем и таким образом увидим Бога везде. Это – основная нота пути возврата, и это – тот урок, который должен усвоить развивающийся человек.

Теперь наступает критическая минута в истории развивающегося человеческого духа. Он старается принести в жертву все плоды своих действий, он старается умереть для привязанностей. И каков же неизбежный результат? Привязанность к плодам деятельности исчезает, бесстрастие овладевает им, и он чувствует себя как бы висящим в пустоте. Всякое стремление к деятельности исчезло. Человек потерял уже стимул поступательного пути, но он еще не нашел стимула пути возврата. Отвращение ко всему наполняет его душу. Он уже пережил Закон Долга, но он еще не постиг всей глубины Закона Жертвы. В эту минуту бездействия и безмолвия, когда пустота охватывает его, ему кажется, что он потерял всякую связь с миром форм и вещей; но он еще не вошел в соприкосновение с миром жизни, он еще не перешел на тот берег.

Это – то же, что должен испытывать человек, когда, проходя через пропасть по узкому мосту, он вдруг чувствует, что мост подламывается под его ногами, что он не может ни вернуться, ни достигнуть противоположного берега. Он словно повис в пустом пространстве над бездной; он потерял соприкосновение со всем.

Но не следует бояться, когда наступит эта минута величайшего одиночества для трепещущей души. Не бойтесь потерять связь с преходящим, когда стремитесь прикоснуться к Вечному. Внимайте чем, которые пережили страшное одиночество, прошли через него и

убедились, что кажущаяся пустота есть ничто иное, как совершенная полнота; послушайте, как они провозглашают Закон Жизни, которому должен следовать стремящийся к высшей жизни. «Сберегший жизнь свою потеряет ее; а потерявший жизнь свою ради Меня сбережет ее».^[15]

Таково испытание, которому подвергается внутренняя жизнь. Нельзя прикоснуться к высшему, не выпустив из рук низшее. Нельзя почувствовать высшее прежде, нежели прикосновение к низшему не станет для человека подобным прикосновению к труп. Ребенок, взбирающийся над пропастью по лестнице, слышит голос отца, который зовет его сверху, он хочет прийти к отцу, но крепко держится обеими руками за лестницу, потому что видит зияющую бездну под собой. Голос же говорит ему: «Перестань держаться за лестницу, протяни руки вверх!» Но ребенок боится. Если он выпустит из рук лестницу, разве не упадет он в зияющую бездну? Он не может видеть того, что над ним. Воздух кажется пустотой и ему не за что схватиться. Тогда наступает момент беззаветной веры. Он выпускает из рук лестницу. Он протягивает свои руки в пустое пространство, и вот! Руки отца схватывают его и сила отца поднимает его вверх до себя.

Таков Закон высшей жизни. Отказываясь от низшего, приобретаешь высшее; когда человек отрекается от личной жизни, высшая жизнь берет его к себе.

Только те, которые пережили это, могут знать весь ужас этой пустоты, где мир форм уже исчез, а жизнь Духа еще не ощущается. Но иного пути от жизни форм к жизни Духа – нет. Между ними лежит бездна, через которую надо перейти и, как странно это ни кажется, но именно в минуту величайшего одиночества, когда человек как бы покинут и вокруг него нет ничего, кроме безмолвной пустоты – тогда-то из этого кажущегося небытия и возникает Вечное Бытие и тот, кто отважится покинуть верную пристань обычного бытия и ринуться вперед в неизведанное, тот окажется на твердой скале Вечного.

Таков опыт тех, которые в прошлом достигли духовной жизни. Они оставили эти указания, чтобы ободрить и утешить тех, которым в свою очередь придется переходить через ту же пропасть. Мы читаем в Шастрах, что когда ученик подходит к своему Учителю, он должен иметь жертвенный огонь в руках. Что это за жертвенный огонь? Под ним разумеется все, что принадлежит к жизни форм, к низшему, личному я. Все этой должно быть сожжено в жертвенном огне, ничто не должно быть сохранено... Ученик должен сжечь свою низшую природу и собственными руками зажечь огонь. Он сам должен принести себя в жертву. Никто другой не может сделать этого за него. Отдайте же всю жизнь без остатка. Не щадите нечего; громко взывайте к Господу Вышней Жертвы, что жертва уже на алтаре и не отступайте при виде пожирающего пламени. В томлении одиночества верьте Закону, который не может изменить. Если Закон Жертвы столь силен, что в состоянии поддерживать тяжесть всего мира, может ли он сломиться под тяжестью такого атома, как мое я? Он не только достаточно силен, чтобы можно было положиться на него, но он сильнее всего существующего.

Закон Жертвы учит нас, что жизнь Духа состоит в отдавании, а не в приобретении; в отречении от себя, а не в присвоении для себя, в полной отдаче всего, что человек имеет, при совершенной уверенности, что полнота божественной Жизни вольется в него. И посмотрите, как это неизбежно! Неисчерпаемая жизнь бьет ключом из полноты божественного Бытия. Форма – ограничена, жизнь безгранична, поэтому форма живет захватом, жизнь же растет даянием, и как раз в той мере, в какой мы отдаем из себя все, что имеем, раскрывается проводник, через который свободно вливается божественная Жизнь и наполняет душу нашу так, как ничто раньше не наполняло ее. Вот почему основная нота пути возврата есть отречение. Отречение есть тайна жизни, как присвоение есть тайна формы.

Итак, вот Закон Жертвы, который мы должны познать. Давать без ропота, давать всегда, вот что даст нам истинную жизнь.

Вначале нашего вступления на путь возврата, когда отречение является нашим путеводителем, голос его может показаться слишком суровым, а вид его – почти угрожающим. И тем не менее, слушайте его голоса неизменно, каков бы ни был его внешний вид и старайтесь понять, почему жертва вначале внушает нам мысль о страдании.

С точки зрения формы, жертва является разрушением формы, и последняя, чувствуя, что жизнь из нее уходит, взывает в тоске и ужасе к этой удаляющейся жизни, без которой невозможно самое существование ее. Вот откуда исходит наше представление о жертве, как о страдании, как об акте, сопровождаемом тоской и ужасом, и это будет длиться до тех пор, пока мы не перестанем отождествлять себя с формой.

Но когда мы начинаем жить жизнью Духа, той жизнью, которая во всей множественности форм признает Единое, тогда перед нами начинает мерцать высшая духовная истина, раскрывающая нам, что жертва – вовсе не страдание, а наоборот – радость. То, что доставляет страдание телу, дает блаженство Духу, который и есть наша истинная жизнь; и тогда мы убеждаемся, что наше представление о жертве, как о страдании, было ошибочно, что выше всякого удовольствия, доставляемого богатством и положением, радостнее всякой радости, даваемой личными переживаниями, есть блаженство свободного Духа, который, изливаясь, обретает единение с Богом и сознание что он живет во всем мире, а не заключен в ограниченные рамки одной отдельной формы.

В этом – радость Спасителей человечества, Тех, Которые поднялись до сознания единства и сделали Руководителями и Искупителями людей. Шаг за шагом, медленно и постепенно, поднимались Они все выше и выше, перешли через бездну небытия, о которой я говорила, и твердо ступили на противоположный берег. Они поняли в чем истинная реальность жизни и в той самой бездне небытия, в которой они на мгновение как бы потеряли себя, они почувствовали себя стоящими над миром форм. С этой высоты им видно, что все формы только сосуды, наполненные единой, одушевляющей их божественной Жизнью. Они увидели с чувством невыразимой радости, что Единое я может вливаться во все бесчисленные формы, не делая разницы между ними и видя в них только проводников единого Духа.

Вот почему Спаситель мира в состоянии помогать человечеству и поддерживать своих более слабых братьев. Поднявшись до той высоты, где все я познаются как одно, он признает все формы за свои собственные. Он сознает Себя в каждой из них. Он может радоваться с радующимися и страдать с страдающими – все они часть Его. Праведные и грешные равны для него. Он не чувствует влечения к одним и отвращения к другим. Он сознает себя в камне, в растении, в животном, в дикаре так же, как в мудреце и в святом, Он видит единую жизнь во всем, и жизнь эта – Он сам. Где же место для страха, где место для упрека? Ничто не существует кроме Единого божественного я, и нет ничего вне Его, что могло бы внушить страх, или бросить вызов.

Только это одно и есть истинный Мир, только это одно и есть истинная Мудрость. Знать во всем единое божественное я – вот духовная жизнь, и жизнь эта есть радость. Таким образом Закон Жертвы, который есть Закон Жизни, есть также Закон Радости, и мы знаем, что ничто не дает такого глубокого наслаждения, как наслаждение давать и что ни одна ограниченная радость не сравнится с радостью самоотречения.

Если бы каждый из нас мог хотя на мгновение заглянуть в мир Духовной Жизни, этот преходящий мир принял бы в наших глазах свои настоящие размеры, и мы увидели бы все ничтожество того, что люди считают драгоценным. Закон Жертвы, который есть Закон Жизни, Радости и Мира, заключается в великом изречении: «Я – это Ты», «Ты – это Я».

Теперь постараемся на минуту низвести эту высокую идею до уровня нашей обыденной жизни и посмотрим, как проявляясь в нас, Закон Жертвы выразится во внешнем человеческом

мире.

Если мы познаем хотя бы на мгновение единство божественного я, если выучим хотя одно слово, одну букву в книге Мудрости, как станем мы после этого вести себя по отношению к нашим братьям – людям? Мы видим перед собой человека низкого, испорченного и невежественного. Ни родственная связь, ни карма прошлого не соединяет нас с ним, ни одна из так называемых обязанностей не связывает наше телесное бытие с его бытием. Но познав во всем божественное Единство, мы увидим – согласно с Законом Жертвы – и в отверженце ту же божественную жизнь, и тогда форма исчезнет для нас, и мы сознаем, что мы и этот человек – одно; тогда сострадание заменит отвращение, которое обыкновенный человек чувствует к падшему. Любовь заменит ненависть, равнодушие преобразится в нежность. Человек, повинующийся Закону Жертвы, отличается в своих отношениях к окружающим именно этим настроением божественного сострадания, которое не видит отталкивающей внешней формы потому, что сознает божественную красоту, сокрытую во всем. Когда он встречает человека невежественного, может ли он почувствовать презрение просвещенного к невежде и поставить себя над ним как нечто высшее и отдельное? Нет, он не признает свою мудрость принадлежностью своей отдельной личности, он смотрит на нее, как на собственность, принадлежащую всем одинаково, и делаясь ею с другими, он не увидит разницы между собою и этими другими, потому что во всем видит единство божественного я.

То же и по отношению всякой другой разницы в мире форм. Человек, который живет по Закону Жертвы, познает божественное единство во всем и видит разницу только в сосудах, а не в наполняющей их жизни. Поэтому он собирает мудрость и знание в свой отдельный сосуд только для того, чтобы разделить их с другими, и кончает тем, что совершенно теряет чувство отдельной жизни и становится частью общей Жизни Мира.

Проникаясь этим сознанием и познавая, что единственная ценность его отдельного бытия – быть проводником высшего, быть орудием духовной жизни, он медленно и постепенно поднимается над всем, кроме сознания Единства и начинает чувствовать себя частью этого великого страдающего мира. Он сознает, что страдания человечества – его собственные страдания, грехи человечества – его собственные грехи, слабости его братьев – его слабости. Таким образом познает он единство и видим его во всех видимых различиях.

Только так можем мы жить в Вечном.

«Те, которые видят различия, идут от смерти к смерти», говорится в писании. Человек видящий различия, находится действительно в постоянном процессе умирания, потому что он живет в мире форм, которые уничтожаются ежеминутно, а не в Духе, который есть непреходящая Жизнь.

И поскольку все мы сумеем почувствовать единство жизни и позвать, что жизнь есть общее достояние всех, и что никто не имеет права отделять себя или гордиться тем, что его доля отлична от доли другого, – ровно поскольку мы и живем Духовною Жизнью.

Вот последнее слово Мудрости, переданное нам истинными Мудрецами. Все, что меньше этого – не духовно, все, что меньше этого – Мудрость и не истинная Жизнь.

О, если б только на одно короткое мгновение я могла показать вам хотя слабый отблеск того минутного презрения, которое, благодаря милости Учителя, я имела в Красоту и Славу истинной Жизни, не знающей различия и не признающей обособленности – тогда очарование этой красоты показало бы вам, как ничтожны рядом с нею все красоты земли и каким мусором покажутся все сокровища земли по сравнению с невыразимой радостью Жизни, которая сознает себя Единой.

Трудно, конечно, сохранить эту радость среди обособленности человеческой жизни, среди иллюзий чувств и заблуждений ума. Но если мы почувствовали ее хотя бы на одно мгновение,

весь мир изменился для нас навсегда, и если мы хотя на миг удостоились узреть величие божественного Единства, то никакая другая жизнь не в силах привлечь нас.

Но как осуществить, как проникнуться этим дивным сознанием Единой Жизни и Единого Я? Только благодаря ежедневному самоотречению в мелочах жизни; только благодаря тому, что в каждой мысли, в каждом слове и в каждом действии мы начнем любить Единство. Мы должны не только говорить об этом Единстве, но и осуществлять его при каждом представляющемся случае, ставя себя последними, а других первыми, стараясь всегда удовлетворять нужды других и отказываясь слушать требования своего низшего я.

Я не знаю другого пути, кроме этого терпеливого, настойчивого усилия, час за часом, день за днем, год за годом, пока под конец мы не достигнем горних вершин.

Мы говорим о Великом Отречении.^[16] Мы говорим о тех, пред Которыми преклоняемся, и Которые «совершили Великое Отречение». Не думайте, что они совершили свое отречение в ту минуту, когда стоя на рубеже нирваны, услышали рыдания тоскующего мира и обратились назад чтобы помочь ему. Настоящее великое отречение было совершено не тогда. Они совершали его снова и снова в течение сотней жизней, которые лежат за ними. Они совершали его в постоянном осуществлении малых отречений, в постоянной жалости, в ежедневных жертвах в обыденной человеческой жизни. Они совершили его не в последний час, но в продолжении целого ряда жизней полных жертв, пока, наконец, Закон Жертвы не сделался до такой степени законом Их существа, что в последнюю минуту, когда предстояло сделать выбор, Они не могли поступить иначе, как избрать Путь Отречения.

Если мы решимся пойти по пути Великого Отречения, но если не начнем совершать его в ежедневной нашей жизни, в ежечасных сношениях с нашими ближними, мы наверно не совершим его и тогда, когда достигнем высочайшей вершины горы.

Мы мечтаем о геройских подвигах, о великих задачах, мы думаем, что жизнь ученика состоит из тяжелых испытаний, навстречу которым он смело идет с открытым внутренним взором, чтобы вдруг, одним верховным усилием, одной героической битвой, сразу завоевать свой венец победы...

Но это не так. Жизнь ученика есть лишь длинный ряд мелких отречений, лишь длинный ряд ежедневных жертв, одно постоянное умирание во времени, для того, чтобы высшее могло жить вечно. Истинное ученичество не в том, чтобы поразить мир великим подвигом, – это задача героя или мученика. Подвиг ученика много выше, ибо его жизнь проходит дома, в городе, в конторе, на рынке, в среде обыденной земной жизни. Истинная жизнь самоотречения – та, которая вполне забывает себя, в которой отречение становится настолько обычным, что не вызывает даже усилия и делается само собой. Если мы ведем такую жизнь отречения, если ежедневно и непрестанно мы отдаем себя для других, – в таком случае мы несомненно достигнем вершины горы, и в этот дивный миг нам откроется, что Великое Отречение уже совершено, хотя бы мы никогда и не мечтали о подвигах и жили так лишь потому, что иначе жить уже не могли.

Йогой называется сознательное достижение способности соединиться с своим Высшим Сознанием или Высшим Я.

Великий ум тесно соединен с безумием.

Бхагavadгита, VI, 16.

Все преходящее, иллюзорное.

Учитель, наиболее почитаемое лицо для индуса.

Период мирового проявления.

Эпизод из индусской поэмы «Махабхарата» (великая война), известный под названием Бхагавадгита (Песня Господня), происходит на поле битвы Курукшетра, в виде диалога между воином Арджуной и божественным Кришной.

Аханкара – принцип самости по санскритской терминологии.

Бхагavadгита, IX, 30, 31.

Бхагavadгита, IV, 31.

Бхагavadгита, Ш, 11.

Бхагavadгита, III, 9.

Бхагavadгита, IV, 23.

Бхагavadгита, IV, 33—35.

Матф., 10:39.

В религиозных верованиях индусов есть учение о великих праведниках, отрекающихся от заслуженного блаженства на высшем духовном плане (нирвана) ради помощи страдающему миру и добровольно воплощающихся, чтобы облегчить эволюцию отставшего человечества.